

Е.В. Купчик, г. Тюмень

ОБРАЗЫ ПРОСТРАНСТВА В ПОЭЗИИ ЮРИЯ КУКИНА

Художественное пространство, представляющее, по словам Ю. Лотмана, «модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [Лотман, 1988: 253], получает речевое воплощение прежде всего за счет лексики. Среди слов с пространственным значением, номинаций заполняющих пространство объектов и т.п. выделяются лексемы, служащие для обозначения фундаментальных элементов картины мира – например, *земля, небо, дорога, дом* и др.

В авторской песне роль пространства во многом определяется спецификой героя, для которого преодоление пространства – важная составляющая образа жизни.

В творчестве классика авторской песни Юрия Кукина пространство находит развернутое лексическое воплощение, особенно в текстах, отражающих – напрямую или опосредованно – экспедиционные впечатления автора. Одной из определяющих характеристик земного пространства в текстах Кукина является его обширность, протяженность, исчисляемая в крупных мерах длины. Для героя принципиально важно следовать путем, где «струна километров звенит под ногами» [Кукин 1991:42; далее ссылки на это издание], и “жить километрами, а не квадратными метрами» (с.30). В квадратных метрах измеряется ограниченное замкнутое пространство, противопоставляемое пространству-простору. По замечанию А.Д. Шмелева, общей идеей многих «пространственных» слов является «клаустрофобия, боязнь тесноты и ограничений и представление, в соответствии с которым человеку нужно много места, чтобы его ничто не стесняло» [Шмелев 2002:78], в связи с чем человек стремится на простор.

Замкнутое пространство представлено у Кукина *комнатой и домом*; в семантике данных образов выделяются такие компоненты, как *теснота, ограничение свободы*. В кукинском пространстве, где ведущее измерение – горизонталь, ограничивающим началом являются главным образом *стены*, роль которых могут играть и природные объекты. Герой испытывает душевный дискомфорт даже в лишенной искусственных перегородок природной среде – в том случае, когда он занимает позицию *внутри, посередине*. Особенно тяжело ему в двойном кольце стен: «Горы слева, горы справа, Посредине – Темиртау, Посредине – домик старый, Посредине – я с гитарой»; пребывание в таком пространстве провоцирует героя на выражение низкой самооценки: «Я ж сижу посередине, Словно мышь в пустой корзине... В Темиртау посредине Я как дырка на картине» (с.14). Герою «Парижа» грустно и в тайге, заключившей его в замкнутое пространство, откуда «никуда не улетишь», и в стенах собственных «сомнений и забот» (с.62). Пребывание в фиксированной точке пространства, вынужденная статичность крайне нежелательны для героя. Исключение – положительно оцениваемое обособленное сказочное пространство: жилище «маленького Гнома» или населенный «странными людьми» город. Такое пространство значимо как убежище, в котором можно укрыться от обыденности; его замкнутость – естественный способ самозащиты хрупкого мира личности от жесткой прозы реальности. Сказочные убежища принципиально отличаются от реальных домов и городов: там, например, «по стенам вместо картин – Гирлянды ненужных слов»; «Руки любимых у них вместо квартир» и т.п. Они невещественны – могут быть построены «из общения», покрыты небом вместо крыши; их сущность – доверительные,

сердечные отношения людей. Отметим, что кукинский герой оказывается *вне* сказочного ирреального пространства – на его долю достается пространство вполне реальное, по которому «хочешь не хочешь – иди».

Земное пространство у Кукина представлено главным образом горизонтальной поверхностью, по которой пролегает путь героя. Оппозиция *верх-низ* связывается у поэта с оппозицией *покой – движение*. Взгляд кукинского путника устремлен вперед, а восприятие *верха* – неба и его объектов – предстает осуществимым в случае отсутствия движения. Последнее обычно обусловлено усталостью от долгого пути. Так, мечта героев «Песенки о ногах» – «Помечтать, посидеть, поглядеть на небо»; в «Устали герои» удел сидящих «у родного порога» – созерцание высот (неба и гор). Традиционному образу путеводной звезды у поэта соответствует иной – звезды пытаются отвлечь путника, замедлить его движение: «Трава мне кивает: «Приляг!». Мне звезды кричат: «Погляди!».

В случае перемещения героя по небесному пространству последнее также предстает горизонтальным – например, «равниной облаков» (с.110).

Важным пространственным в поэзии Ю. Кукина являются горы. Это существенная деталь романтического пейзажа, на которой едва ли не в первую очередь останавливается взгляд героя. Горы как традиционное воплощение вертикали, «вытягивая» пространство вверх, не разрушают, однако, его горизонтальности, принадлежа скорее земле, нежели небу. Типично кукинский образ – приныкшая к земле гора: «Горы головы в землю упрятали, Обхватив их руками дорог, Спины черные с белыми пятнами, Как у тучных ленивых коров» (с.33; ср. «И склонятся, сдвинув морщинами тени, Серебряных гор утомленные лбы» (с.41). Путь по горам представляет собой не традиционное чередование восхождений и спусков, а перемещение, *уход* «по крыше земли», «по пыльным дорогам, по снежным хребтам» (41). Единичны обращения поэта к одной из типичных для авторской песни ситуаций – покорению человеком горной вершины («Альпинистская песня», «У каждого свой Эверест и Монблан»). Герой Кукина – в отличие, например, от визборовского – оказывается не активным участником восхождения, а скорее сторонним наблюдателем, хотя и понимающим эмоции тех, кто «счастье находит в горах» (с.40).

Образ гор у Ю. Кукина амбивалентен. «Горы далекие, горы туманные» – существенный элемент «идеальной» действительности, включенный в ряд положительно оцениваемых объектов: «Ты представь, что это остро, очень остро: Горы, солнце, пихты, песни и дожди» (с.19). Вместе с тем горы замыкают пространство, играя роль *стен*, образ которых в поэзии Кукина, как правило, негативен. С пространственной близостью гор по отношению к человеку связывается томительное, тревожное чувство. Там, где «горы слева, горы справа», герой

пребывает в состоянии, обозначенном словом «безобразно» (с.14). Ср. также: «Почему-то вдруг мне стало беспокойно. Не спалось. Тревогой переполнен. Вижу: горы подступили ближе И тоска собакой ноги лижет» (108).

Пространство у Ю. Кукина нередко покрыто растительностью, обычно представленной множеством деревьев. Поэтом оказываются востребованы разные аспекты символики *леса*. Будучи частью дикой природы, лес противостоит окультуренному, освоенному или сотворенному человеком пространству. Лес являет себя пространством сказочным, населенным загадочными, порой опасными для человека существами; с другой стороны, «он может стать для одухотворенных людей местом укрытия от мирской суеты» [Истомина 2003: 460].

Лес у Кукина занимает обширное пространство (отметим отсутствие номинаций локальных объектов – *роща, перелесок* и под.). Значимость леса для героя во многом определяется его удаленностью от урбанизированного, цивилизованного мира – как пространственной, так и сущностной. По отношению к месту постоянного проживания героя-горожанина лес всегда находится *вдали*, так что добираться до него приходится поездом. Лес оппозиционен городской цивилизации и отсутствием окультуренности, привычной упорядоченности. Главный «представитель» лесов у Кукина – тайга, т.е. «дикий, труднопроходимый лес на севере Европы и Азии» [Ожегов 1973: 723]. Заманчивая, полная тайн лесная глушь притягивает героя, побуждая его отправиться в очередное путешествие: «Ну, поедem со мной, ну, поехали В край забытого детского сна. Белка ждет с золотыми орехами, Белоснежка глядит из окна» (32). В лесном мире, удаленном от суеты, герой испытывает положительные эмоции – за исключением случаев, когда лес заключает его в замкнутое пространство («вокруг тебя тайга», с.28). Лес у Кукина – один из наиболее привлекательных пространственных объектов. Для героя он является своего рода пристанищем, где уставшая душа может обрести отдых и покой.

Одна из важнейших позитивных характеристик леса – его запах, воспринимаемый как воздух свободы: «И чтоб тасжные запахи, А не комнаты затхлые» (с.31). Аромат леса у Кукина сродни *туману* – в том символическом значении, которое данный образ приобретает в контексте творчества поэта: «А я еду, а я еду за туманом, За мечтами и за запахом тайги» (с.19); «Забредem в глушь лесную пахучую, Забредem в предрассветный туман...» (с.32).

Из отдельных деревьев Ю. Кукиным особо выделена *пихта*. Поэтическая семантика данного образа рождается на основе отнесенности *пихты* к миру тайги, мягкости и аромата хвои. В кукиных текстах данный образ предстает в разных ипостасях: пихта – богиня: «Пусть лесною Венерою Пихта лапкой по нервам бьет» (с.31); пихта – благовоние: «...веточка пихты – духи» (с.64); пихта – «строительный материал» для мыслей героя, меч-

тающего об удивительном городе: «Я б дома построил из общенья, Мысли сделал бы из пихт таежных» (с.73). Пихта способна не только воплотить в себе мысль, но и воспринять чувство человека: так, печаль героя «Поезда» оказывается заблудившейся «между пихт и берез». В данном образе проявляет себя женское начало: привлекательность, утонченность, внимание к состоянию человека.

Специфика образа пространства у Ю. Кукина (горизонтальность, протяженность и под.) во многом определяется тем, что организующим центром этого пространства является *дорога*, движение по которой – важнейший процесс в жизни кукинского героя. «Охота к перемене мест» присуща героям авторской песни в целом (ср. у Ю. Визбора: «...есть такой закон – движение вперед»), как и разомкнутость преодолеваемого ими пространства. «Традиционный для русской культуры образ странника, путешествующего по миру в поисках лучшей доли, трансформируется в авторской песне в бродягу с развившейся в рамках жанра семантикой (турист, путешественник – человек, ведущий определенный образ жизни – человек с определенными установками, «кодексами» поведения)» [Патракеева 2000: 16].

Лирический герой Ю. Кукина – не турист, путешествующий с целью отдыха и развлечения. Основной объект его внимания в процессе перемещения – не реалии внешнего мира (такое пространство представлено почти или совсем не заполненным объектами), а собственный внутренний мир, состояние души и мыслей. Странствие – и мечта героя («А мне б дороги далекие И маршруты нелегкие» (с.30), и необходимость; последнее относится к перемещению как в реальном географическом пространстве, так и в пространстве жизни, по которому «хочешь не хочешь – иди» (с.34). Возможно и совмещение этих пространств: их объединяет бесконечность пути, в котором проходит жизнь человека. Протяженность пространства (дороги у Кукина всегда *далеки*) сочетается с ограниченностью времени, отводимого на жизнь, поэтому «надо идти, надо торопиться» (с.12).

Странствие у Кукина – прежде всего уход. Отправной точкой пути оказывается *дом*, образ которого получает чаще всего негативную оценку (замкнутое тесное пространство, ограничивающее свободу человека) и который герой стремится покинуть. В ряде кукинских текстов герой предстает лишенным – постоянно или на время – родного угла: «Я бездомным марквеновским Гekom Убегу, уплыву на плоту (с. 68); «Мое пальто – моя страна. Мой воротник – моя квартира» (с.128). Стремление покинуть определенную точку пространства нередко обусловлено желанием героя освободиться от проблем – чужих («Я уйду от чужих забот, Убегу от чужих пороков» – с.155) или собственных («Лучше я возьму ружье и в тайгу От себя убегу» - с. 157). Однако слова «Все, что тебя мучит, осталось вдали» (с.41) справедливы лишь в пространственном, физическом отношении: бегство от собственной памяти и тре-

возможных раздумий невозможен – «...не действует по ночам Расстоянья наркоз» (с.25). Кукинский герой неоднократно убеждается в том, что «от себя не убежать» (с.178), даже уйдя за горизонт.

Место, куда стремится попасть герой, как правило, отличается пространственной не локализованностью. Из тесноты и замкнутости герой перемещается, например, в «беспределный океан» (с.43), «зеленую страну» (с.36), на «зеленые просеки» (с.33). в «волшебный город» (с.141), а также за пределы обозримого пространства. Цель «реального» пути нашла отражение в ставших классическими строках поэта «...за туманом, за мечтами и за запахом тайги» (с.18); она подчеркнута нематериальна. Путь часто является самоцелью; персонаж из «Канатоходца» – не единственный, для кого «важна не цель, а путь, которым к ней идешь» (с.71). Освоение пространства нередко сопряжено для героя с немалыми трудностями, которые, однако, не могут поколебать его убежденности в том, что «Не надо ни плакать, ни верить в обман, А надо дороги искать в бездорожье» (с.88)

Странствия кукинского героя совершаются обычно в одиночестве. Постоянным – и желанным – спутником героя является *песня*, образ которой поэт не детализирует, как и обстоятельства пути героя.

В заключение отметим, что образы воздушного и водного пространства, придающие кукинскому миру высоту и глубину, получают отражение в текстах поэта в значительно меньшей степени, чем образы пространства земного, и в целом оцениваются менее положительно. Так, море проявляет агрессию по отношению к человеку, ломая весла («Поздно»). Напоминает ему о быстротечности жизни («Морская песня»); небо может ассоциироваться с постигающим человека несчастьем, что, в частности, отражено в метафоре «небо беды»: «Снег черный с неба беды» (с.126); «...беды моей свод голубой» (с.130). Наиболее созвучно кукинскому герою земное пространство – протяженное, незамкнутое, малонаселенное, не испорченное цивилизацией; пространство, предоставляющее человеку свободу не только передвижения, но также чувства и мысли.

Литература

1. Истомина Н.А. Энциклопедический словарь символов. М.2003.
2. Кукин Ю.А. Дом на полпути. М. 1991.
3. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Ю.М. Лотман. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М. 1988.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. 1973.
5. Патракеева Е.Б. Поэтизация и депоэтизация слова в тексте (на материале авторской песни). Автореферат дис... канд. филол. наук. Тамбов. 2000.
6. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М. 2002.